

Шестого сентября 1991 года, в стенах Хогвартса, эхом прокатилась голубая магическая дуга, отбросив двух юных волшебников назад, словно пушинки на ветру. Заколдованная дуга, не луч, как учили на уроке, была частью учебной программы по основам манипуляции заклинаниями в защите от Тёмных Искусств. Гарри, наблюдавший за схваткой, с облегчением отметил, что оба мальчика, пусть и с болезненными стонами, остались целы. Долгопупс, судя по всему, был теперь врагом. Гарри, пожав плечами, направился обратно в замок. Голод, казалось, был куда более серьезной проблемой, чем детские разборки. В общей комнате Слизерина его встретили радостные возгласы. Малфой и Паркинсон, по странному стечению обстоятельств, поздравляли его с "победой". Драко, с выражением триумфа на лице, даже заявил, что "всегда знал, что в Гарри скрывается настоящий Слизеринец". Видимо, Долгопупс, с обидой в голосе, рассказал о встрече с Гарри в общей комнате Гриффиндора. Все, или, по крайней мере, многие, теперь были в курсе истории. Эти дети, думал Гарри, были странными. Он проигнорировал их восторги и углубился в изучение магии. Он никак не мог найти объяснения мелодичному биению, которое слышал, находясь рядом с магией. Это биение было удивительно полезным. Оно помогало ему совершенствовать заклинания, чувствовать их, даже слегка изменять. Это помогло ему увернуться от заклинаний двух гриффиндорцев, напавших на него. Гарри пытался изучить магические дары, которыми часто обладали волшебники. Но магические семьи, как правило, были очень скрытными, за исключением обладателей чрезвычайно заметных даров, как, например, Змеиный язык. Однако в общей комнате его загнали в угол Блейз, Трейси и Дафна. Дафна, с суровым выражением лица, заявила: "Итак, мы официально против Долгопупса и его лакеев". Гарри, с наклоненной головой, спросил: "О чем ты говоришь?" "О дуэли с Долгопупсом и Уизли, Гарри", - пояснила Трейси. "О чем? Они напали на меня, когда я читал за пределами замка. Я попытался поговорить с ними, но они не слушали. Я просто ответил. Это едва ли можно назвать дуэлью. Я не клялся отомстить или что-то в этом роде. Я просто ударил его, чтобы он перестал пытаться напасть на меня". "А вот Долгопупс - да, и теперь Малфой думает, что ты поддерживаешь его группу", - ответил Блейз. Гарри был поражен таким намеком: "Я никого не поддерживаю. Я не могу находиться в одной комнате с Малфоем. И я точно не собираюсь следовать его примеру и нападать на гриффиндорцев без причины. Насколько я понимаю, вся эта затея совершенно нелогична и откровенно идиотская. Послушайте, после одной-двух атак Малфоя Долгопупс забудет обо мне и сосредоточится на нем. Как по мне, пока ни на кого из нас не нападают без причины, я не собираюсь ввязываться во все это". Все трое заметно расслабились, услышав его слова. Неужели они действительно думали, что Гарри хочет постоянно участвовать в детских разборках с Гриффиндором? Это соперничество домов зашло слишком далеко. Гарри понимал, что оно может мотивировать учеников лучше учиться и вести себя прилично, но в этом году все вышло из-под контроля. Он надеялся, что все успокоится. Но неделя прошла, а ситуация только усугубилась. Конфликт между вторым и третьим курсами, казалось, не утихал. Гарри не ожидал, что размолвка между Гриффиндором и Слизерином перерастет в тотальную войну, но именно это и произошло. Пройтись по школе и увидеть дуэль между двумя учениками стало обычным делом. На злобные выходки гриффиндорцев отвечали проклятиями слизеринцы. И самое ужасное, что это никого не волновало. Профессора пресекали драки и снимали баллы, но на каждую драку, которую они останавливали, приходилось десять, которые они не замечали. Именно на уроке у профессора Флитвика Гарри решил задать вопрос. Профессор был явно беспристрастен, учитывая, что он был старостой Когтеврана. Гарри видел, что МакГонагалл была слегка равнодушна к гриффиндорцам, а Снейпа спрашивать об этом он не собирался. По сравнению с однокурсниками он вел себя заметно холоднее, и это замечали все. После урока Чародейства о чарах, меняющих цвет, Гарри задержался и спросил у полугоблина: "Профессор, можно вас на минутку?". Веселый профессор тут же спрыгнул с места и посмотрел Гарри в глаза: "Конечно, мистер Поттер, спрашивайте". "Меня немного беспокоит все это соперничество между Гриффиндором и Слизерином. Всегда ли это заходит так далеко?" Веселое выражение лица профессора слегка опустилось: "Боюсь, что да. Так было не

всегда. До войны Слизерин был таким же студентом, как и все остальные. Во время войны все боялись и не высовывались. Только после войны все зашло так далеко. Поначалу мы им потакали, чтобы выбить из колеи. Понимаете, во время войны каждый потерял члена семьи или близкого друга, либо погибшего, либо попавшего в Азкабан. Не знаю, что хуже, если честно. "Однако, когда война закончилась, когда люди перестали бояться, они стали злиться все больше и больше. До тех пор, пока каждый год первокурсники не начинают драться. Мы позволяем им доводить дело до конца, потому что если остановить их сейчас, то они выкинут это из головы, когда станут старше и их научат опасным заклинаниям. Вы видите, что старшекурсникам, кажется, уже все равно, и это то, что нам нужно. Хотя в этом году Невилл Долгопупс и Драко Малфой, которые считаются наследниками светлой и темной фракций, вызвали рост напряженности, поэтому в дело вступили вторые и третьи курсы. Не волнуйтесь, в конце недели состоится собрание преподавателей, где мы обсудим, как справиться с этой ситуацией". "Спасибо, профессор", - сказал Гарри, издав облегченный вздох. По крайней мере, персонал не был настолько безумен, чтобы позволить своим детям, владеющим магией, бегать вокруг и посылать друг в друга почти смертоносные заклинания. "Вы напоминаете мне вашу маму, знаете?" - с нежностью спросил профессор. "Вы знали ее?" - спросил Гарри с надеждой в голосе. Юный Поттер в глубине души знал, что Лили Поттер мертва, что он никогда не встречался с ней. Но в прошлой жизни или нет, он хотел бы встретиться с ней. Даже если у него были воспоминания о прошлой жизни, Гарри все равно оставался ребенком, а материнская любовь - очень сильная сила. "О, да. Лили Эванс была одной из моих самых блестящих учениц. Настоящий вундеркинд в чарах, который мог бы далеко пойти. Хотя в трансфигурации она была ужасна. Я даже рекомендовал ее в гильдию чародеев, чтобы она продолжила свое мастерство. Она была доброй женщиной, но ее гнева следовало опасаться. Мне ее очень не хватает". О Гарри никто не говорил, если честно. — Спасибо, профессор, — ответил он. Профессор хмыкнул: — Не за что, мистер Поттер. Если у вас возникнут вопросы о вашей матери, я всегда открыт для вас. И надеюсь увидеть вас в дуэльном клубе в следующем семестре. Думаю, у вас там все получится. Гарри кивнул в знак согласия и вышел из комнаты. Он решил доверить профессорам их работу, сосредоточившись на учебе. Он прочитал все книги, взятые в библиотеке, и это было заметно. Практическая магия Гарри процветала, переходя границы обычного. Он пробовал несколько трансфигурационных заклинаний из учебника, и все они работали безупречно. Гарри не спешил, стремясь к совершенству, к созданию модификаций. Он хотел понять, как работают заклинания, определить частоты, необходимые для трансфигурации, в своих ментальных симфониях, чтобы однажды создать собственные. При всех достижениях в практической магии Гарри обнаружил, что его любимым предметом стала арифмантия. Не та элементарная, которую преподают на третьем и четвертом курсах, а от уровня СОВ и выше. Первые два года факультатива - это просто изучение магических чисел, их свойств и применения в примитивном гадании. Затем - введение в исчисление с учетом свойств чисел. С пятого курса начинается увлекательный процесс включения арифмантии в магическую теорию. Именно Продвинутой арифмантией Гарри хотел изучить по-настоящему. Честно говоря, ему не потребовалось много времени, чтобы привыкнуть к странностям арифмантии, которая, по сути, была математикой с включением черт определенных чисел, рассматриваемых как дополнительное измерение. Учитывая, что до введения закона о тайне большинство математиков и философов были волшебниками, система арифмантии очень напоминала ту, что была в прошлой жизни Гарри. Он быстро вернул книги и выбрал одну по продвинутой арифмантии, которую преподавал другой профессор. Он подумал о том, чтобы начать с рун, но передумал. Продвинутая арифмантия выглядела довольно сложной, и Гарри не хотел перегружать себя. На самом деле, юный Поттер хотел узнать о магии все, что только можно. Он хотел изучить ее так, как никто до него не изучал. Он собирался опробовать каждую магическую область, понять, как она работает, чтобы создать единую теорию магии, и арифмантия казалась лучшим способом для этого. Она объединяла в себе теорию практически всех предметов, основанных на палочках, но

Гарри не представлял, как это сделать. Магия хаотична по своей природе. Непредсказуема. Гарри понял это, когда попытался использовать беспалочковую магию. Это было похоже на попытку захватить воду, не зачерпнув ничего, и сложные эффекты просто не поддавались воспроизведению. А вот с помощью палочки, нескольких слов на латыни и определенного движения запястьем можно было повторить заклинание тысячу раз. Все сводилось к палочкам, не так ли? Арифмантия не могла ошибаться, она полностью основывалась на фундаментальных магических законах. Но она также была более чем бесполезна, когда речь шла о ритуалах. По крайней мере, если верить книгам о ритуалах, которые были разрешены в публичной части библиотеки Хогвартса. Ритуалы казались скорее искусством, чем наукой, и Гарри не хотел иметь с ними ничего общего, пока не приобретет хотя бы минимальный опыт в магии. Но суть осталась в силе. Кто-то, возможно, во времена расцвета Рима, изобрел палочку и создал гигантскую систему магии, основанную на латыни. С ее помощью солдат, владеющий магией, мог без усталости повторять заклинания, что, вероятно, объясняло, как быстро они смогли расширить свою империю. Любопытно, что имени этого изобретателя нигде не было. Скорее всего, он был гением, не имеющим аналогов, возможно, превосходящим своим пониманием магии даже Мерлина. И все же этот человек не обрел легенду, как должен был бы, а сгинул в песках времени. Теперь волшебники принимают его дар, его магическую систему как должное. Захватывало дух от того, как один человек более двух тысяч лет назад изменил ход магической истории и при этом был забыт. Именно этого и хотел Гарри: оставить свой след в магическом мире, но при этом не быть забытым. Он хотел создать наследие, которое будет помнить о его существовании. Он хотел, чтобы молодые волшебники и ведьмы клялись его именем еще долго после того, как его тело увянет и станет не более чем пылью. Это было самое заветное желание Гарри, причина, по которой его определили в Слизерин. В прошлой жизни он умер забытым и одиноким. В этой жизни Гарри рос, когда ему говорили, что он никто и никогда не будет ничего значить. Он докажет, что они ошибались. Он докажет, что они все ошибаются, поклялся он.